

КНИГА №7 ИЗ СЕРИИ ТРИЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС

НЕИЗ ВЕСТ НАЯ

The background of the cover is a photograph of a person with long hair, seen from behind, standing on a long wooden pier that extends into a calm body of water. The sky is a deep blue, suggesting dusk or dawn, and the water reflects the light. The title 'НЕИЗ ВЕСТ НАЯ' is overlaid on the image in large, bold letters.

БЛЕЙК ПИРС

Блейк Пирс

Неизвестная

Серия «Серия триллеров о Коре Шилдс», книга 7

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74375638
ISBN 9798261458074*

Аннотация

Это следующий роман в новой серии от автора бестселлеров №1 и автора бестселлеров USA Today Блейка Пирса, чьи бестселлеры получили более 7000 пятизвездочных оценок и отзывов. Внешне Кора Шилдс – настоящая крутышка. Ветеран морских котиков и лучший агент Отдела поведенческого анализа ФБР, Кора имеет репутацию человека, который сделает всё необходимое, чтобы поймать убийцу. Но никто не знает, что внутри она разбита, зависима от обезболивающих и находится в глубокой депрессии. Иногда дела нужно вести за пределами закона. Без поддержки Кора наконец свободна действовать, нарушать столько правил, сколько ей нужно, любой ценой, чтобы остановить убийц. Она нашла своё новое призвание. Но станет ли оно также её гибелью? Захватывающий и душераздирающий криминальный триллер с блестящей и измученной мстительницей в главной роли, эта серия – увлекательная тайна, наполненная непрерывным действием,

напряжением, поворотами и неожиданностями, откровениями и движимая головокружительным темпом, который заставит вас переворачивать страницы до глубокой ночи. Будущие книги серии также доступны.

Содержание

ПРОЛОГ	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	27
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	35
ГЛАВА ПЯТАЯ	43
ГЛАВА ШЕСТАЯ	52
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

БЛЕЙК ПИРС НЕИЗВЕСТНАЯ

**КНИГА №7 ИЗ СЕРИИ
ТРИЛЛЕРОВ О КОРЕ ШИЛДС**

ПРОЛОГ

Грубая рука схватила Дженис Халлман и выдернула её из тяжёлого, измученного сна. Темнота – крошечная, непроглядная – и только луч фонарика, ударивший прямо в глаза, когда она их открыла, прожёг зрение так, что перед ним остались одни странные синеватые пятна.

По телу ударил адреналин, рефлекс «бей или беги» рывком поднял её на поверхность.

Первым порывом было закричать. Она быстро, отчаянно подавила крик, сомкнула губы, будто на замок.

Ещё одна рука стащила её с узкой койки. Дженис знала: сопротивляться нельзя. Ей на голову натянули что-то грубое, затхло пахнущее, из шершавой ткани. Наволочку? Мешок? Скорее мешок.

Теперь её укутала темнота, а эти две руки полуволокли, полунесли её из казарменной спальни, которую она делила ещё с тремя. Больше никто не издал ни звука. А с чего бы?

Либо все крепко спали, либо просто молчали, радуясь, что на этот раз выбрали не их – в очередной раунд дедовщины.

Её тащили по полу, петляя, сворачивая то туда, то сюда, и Дженис уже не могла сдержать паники. Это было слишком; это было жестоко. Она и подумать не могла, что армейская жизнь окажется такой. Прошли месяцы – и всё ещё продолжается?

Слепота пугала до дрожи: тебя тащат куда-то, а ты ничего не видишь; плечо со всего маху врежется в стену, боль вспыхивает так остро, что из груди вырывается судорожный вдох.

Нельзя причинять травмы во время дедовщины. Ага. Этот устав выкинули в окно в её первую же ночь. Они могли. И делали. И её выбирали нарочно – это она знала точно.

Жаловаться некому. Терпи, принимай удары, надейся, что это сделает тебя крепче.

За что на этот раз будет наказание? За то, что вчера прибежала последней? За то, что сорвалась с подвешенного бревна на полосе препятствий? Слабость здесь карали – это точно, а она после гриппа и травмы сдала физически.

Ещё один резкий поворот за угол. Сколько их там? Похоже, на этот раз всего один – что необычно. Может, остальные ждут. Её уводили дальше, чем обычно, и когда наконец снимут эту накидку с головы?

Она могла бы закричать, позвать на помощь. Могла бы попросить остановиться. Но тогда будет только хуже. Её отхлещут, заставят час сидеть на стуле не шевелясь, прикажут сделать пятьдесят отжиманий и скажут, что она никуда не уйдёт, пока не сделает. А потом добавят ещё по одному каждый раз, когда она остановится.

Она знала, что, скорее всего, будет в этой пытке. И теперь ей оставалось лишь попытаться выжить – насколько получится.

Стиснув зубы, она случайно прикусила губу и почувство-

вала вкус крови – горячей, с металлическим привкусом.

А потом, когда её швырнули на пол, она вскрикнула – не смогла удержать крик. Плечо хрустнуло о твёрдую, холодную поверхность. Следом ударилась голова – перед глазами вспыхнуло.

Лязгнул металл. Дверь захлопнулась?

Света не было совсем. Её снова схватили, и, дёргаясь, она поняла: руки ей туго связывают за спиной. Верёвка до боли впилась в запястья, царапая кожу.

Её снова припечатали к полу. Она не могла вдохнуть.

Она лежала, хватая воздух ртом, сипло выдыхая, чувствуя, как сердце колотится так сильно, что, казалось, вот-вот разорвёт грудь.

Но где голоса? Где привычные звуки? Обычно они уже спорят между собой – снимать ли повязку, с какого наказания начать.

Темнота душила, наваливалась со всех сторон. Она не видела и не слышала ничего, кроме собственного жёсткого дыхания. И теперь её руки – за спиной, стянуты намертво.

Что-то было очень не так. Ужас – куда сильнее того привычного, вялого страха, что накрывал её во время этих «посвящений», – вспыхнул внутри. Это было не просто очередное издевательство. Всё иначе. Где голоса? Так обычно не бывает.

– Выпустите меня! – закричала она, но тяжёлый мешок глушил голос. – Выпустите! Сейчас же! Помогите!

И тут в неё врезался ботинок – ударил с размаху в грудь, вышибая воздух из лёгких. Не было времени кричать, не было времени даже почувствовать боль от удара.

Ещё один ботинок – по голове.

И на этом всё. В миг, когда он опустился, её мир шипящей искрой погас – и превратился в ничто.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Пора получить ответы.

И, если повезёт, Кора Шилдс найдёт их здесь – под этим заброшенным старым железнодорожным мостом. Именно сюда её назначил на встречу её знакомый из бывшей мафиинской среды. За последние два часа место меняли дважды – по инициативе второго человека, имени которого она так и не знала. Тот, с кем ей предстояло встретиться, был осторожен, параноик или и то и другое. По её меркам это было хорошо: значит, они настроены серьёзно.

Кора была уверена: за ней наблюдают. Бывшая «морская котик» ВМС, бывшая агентка ФБР – они наверняка это знали и держались настороже.

Конечно, если они действительно поднимут её досье и копнут глубже, то чем больше выяснят, тем яснее поймут: она куда меньше похожа на законника и куда больше – на отщепенку. Только вот Кора не знала, заставит ли это их доверять ей больше – или, наоборот, опасаться сильнее.

Если между ними вообще возможен хоть какой-то уровень доверия, то через несколько минут она, возможно, узнает, что случилось с её сестрой Роуз.

Кора ждала, прижавшись спиной к осыпающимся кирпичам. Чёрная лётная куртка была застёгнута до горла и скрывала татуировки на её тонких, жилистых руках; шерстяная

шапка натянута низко, пряча рыжеватую причёску с выбритым наполовину виском. Руки ломило от холода. На ней были перчатки, скрывавшие то, что одного пальца не хватало.

На войне такое случается. Решения не всегда оборачиваются так, как надеешься. Она ссутулила плечи, переступила с ноги на ногу.

Стоял лютый мороз. Ранний холодный фронт сжимал Западную Вирджинию ледяной хваткой. Колочий ветер шуршал сорняками, пробившимися сквозь крошащиеся бетонные блоки под мостом. Вдалеке слышался гул машин с главной трассы, но самой дороги отсюда было не видно.

Она дрожала – но не от холода. Тошнотворное ощущение в животе, возникавшее при мысли о Роуз, было куда хуже любого физического дискомфорта.

Роуз, которую забрал отец Гейба – Бадди Финч. Каким-то образом он подмял Роуз под себя, когда она училась на последнем курсе. Тренеру было несложно подобраться поближе. Он очаровал её, она ему поверила – и он её схватил. По крайней мере, Кора представляла всё именно так. Роуз, правда, сумела вырваться, но Кора не думала, что место, куда она сбежала, оказалось лучше.

Когда Кора прижала отца Гейба к стенке, тот рассказал кое-что, но не всё. Она давила, угрожала, требовала подробностей – и он пустил себе пулю в голову.

Теперь, благодаря единственной тонкой зацепке, она знала лишь одно: Роуз сбежала с мафиози – парнем по имени

Марио. Судя по всему, у Бадди были с ним какие-то дела, хотя Кора не понимала, когда именно. Видимо, так он и пересёкся с Роуз.

Кора знала одного бывшего мафиози – Джанни Умберто. Десятилетиями он был мелкой сошкой, и она надавила на него, требуя ответов. Чтобы получить их, ей пришлось пообещать продать душу – выполнить услугу в обмен на помощь мафии. Без конкретики. Но она знала: они не забудут. И когда ей меньше всего этого захочется, они придут за своим – потребуют расплатиться по сделке.

Лучше об этом не думать.

Лучше думать о другом – о шагах, которые она теперь слышала. Кто-то приближался по усыпанной листьями тропинке, шурша под ногами, ещё не показываясь из виду.

В поле зрения появился мужчина. Она его не знала, никогда прежде не видела и понятия не имела, как его зовут. Но по принятым мерам предосторожности была уверена: этот желтолицый, темноволосый тип связан с мафией и, возможно, занимает место где-то в среднем звене – а то и выше.

Инстинкты бывшей сотрудницы ФБР так просто не умирают. Пусть она больше и не служила в Бюро, но гангстера могла распознать за километр – как и спрятанный пистолет, который он носил слева.

Значит, левша – деталь, которую стоило запомнить, если эта встреча пойдёт наперекосяк. Она надеялась, что не пойдёт.

– Кора? – спросил он.

– Я. – Она посмотрела ему прямо в лицо, позволяя разглядеть себя: идеальный овал лица, жёсткие, цвета штормового моря глаза. Спиной она так и оставалась прижатой к стене.

– Хочешь узнать про девушку Марио? Роуз?

Имя полоснуло по сердцу, как нож. Ей пришлось изо всех сил удержать на лице спокойствие.

– Да, – просто сказала она.

Он молчал, разглядывая её какое-то время, и она почувствовала, как у неё сжался желудок: в его стойке, в этой паузе было что-то такое, что подсказывало – даже этому бывалому мафиози трудно произнести то, что он должен.

– Слушай, это было не моё решение. Я его не принимал. Я этого не санкционировал и не участвовал. Но некоторое время назад Марио перешёл черту, которую не должен был переходить.

Кора уставилась на него.

– Из-за Роуз? – недоверчиво спросила она. Он покачал головой.

– Из-за другого дела, – сказал он. Голос у него был низкий, с сильным итальянским акцентом.

Она сжала кулаки и шагнула вперёд, ближе к мафиози. Тот сразу напрягся, его левая рука опустилась ниже.

– Какого ещё другого дела? При чём тут Роуз? – потребовала она.

– Марио облажался. Его убили.

Кора точно знала: это было внутреннее убийство. Санкционированное мафией. Убирают того, кто больше не нужен, кого считают угрозой организации. Такое случалось постоянно. Ничего необычного. Но у Марио была женщина – и теперь Кора понимала: они наверняка приняли меры и против неё.

Но что именно произошло?

Она заставила агрессию уйти из жестов и позы. Под стрессом это было её привычной реакцией, но сейчас она только всё испортит. Нужно показать уважение, даже если внутри его нет. Роуз была слишком важна, чтобы облажаться.

– А что с ней случилось? – спросила она уже более ровным тоном, хотя сердце отчаянно колотилось.

Мафиози замялся, оглядываясь по сторонам, словно боялся, что их подслушают.

– Её не убрали. Но, думаю, её здесь уже нет.

– Здесь? То есть?

– То есть в Штатах. Думаю, её вывезли за границу. У них есть суда, где... где такое можно сделать.

Его голос похолодел, когда он произнёс слова, означавшие одно: Роуз продали. Казалось, по венам у Кору потёк лёд.

Кулаки у неё оставались сжатыми, но она заставила себя расслабиться. Нужно держаться спокойно, если она хочет получить то, за чем пришла.

– Куда? Когда? – спросила она.

Он покачал головой.

– Какое-то время назад. Я, возможно, смогу выяснить куда. Я знаю человека, который связан с этими маршрутами. Но... – Он сделал паузу и посмотрел на неё. – Добывать такую информацию рискованно, понимаешь. Это будет непросто. И дёшево не выйдет.

– Я заплачу, – сказала Кора. Она и ожидала, что это будет частью сделки. Она пришла подготовленной.

Он назвал сумму. Её словно отшатнуло.

Это было далеко за пределами того, что она предполагала услышать.

Сердце забилося ещё быстрее. Где она возьмёт такие деньги?

– Послушайте, а нельзя как-то... договориться? – попробовала она, понимая, что стоит на тонком льду, без малейших рычагов. Лицо у него оставалось каменным. Покачивание головы подтвердило ответ.

– У меня с собой нет столько наличных, – попыталась она снова.

– А что есть?

Она достала кошелёк, отсчитала стодолларовые купюры и протянула ему, чувствуя тошноту.

Он нахмурился, глядя на них.

– Мне нужно больше, – сказал он и назвал сумму.

Кора судорожно вдохнула. Она не хотела этого. Совсем не хотела. Но, готовясь к такой возможности, она заложила кольцо, которое мать подарила ей на двадцать первый день

рождения. Она заезжала туда сегодня – раньше, с комом в животе. Получила немного денег на крайний случай, даже не думая, что они действительно понадобятся.

А теперь понадобились. Теперь кольца у неё уже не будет. Но, может быть, взамен у неё появятся ответы о сестре.

– Ещё есть? – Он знал, что есть. Прочитал её как открывающую книгу.

Стиснув зубы, она полезла в задний карман и достала остаток. После этого у неё оставалась одна купюра в пятьдесят. Отлично. Вот и всё, что теперь у неё есть на свете. Только это.

Она надеялась, что он сдержит слово.

– Когда ты узнаешь?

Он нахмурился, прикидывая. – Не завтра. Ну... послезавтра? В то же время? Я снова буду здесь, и, может, к тому моменту буду знать больше.

– Хорошо. Встречаемся здесь. В то же время, послезавтра. – Она ненавидела произносить эти слова, но нужно было оставаться с ним в хороших отношениях. В конце концов, в этом деле он всего лишь посыльный. – И... спасибо, – добавила она, выдавив из себя.

Мужчина кивнул, ещё секунду изучая её, затем развернулся на пятках и ушёл, скрывшись за бетонной громадой моста.

Кора осталась одна под мостом, и мысли закружились в голове. Она стала на шаг ближе к Роуз, но от одной мысли

о том, что могло случиться с ней за это время, её мучило. Сорок восемь часов казались пожизненным сроком.

И тут зазвонил телефон, заставив её вздрогнуть. Кто там? Она схватила вызов и увидела на экране: папа. Мама была больна. У неё было сердце. Кора обещала быть рядом с отцом, помогать ему, пока мама восстанавливается. Она изо всех сил пыталась наладить отношения, которые разъело временем после исчезновения Роуз.

– Пап? – спросила она, торопливо направляясь к машине.

– Кора. – Голос у него был беззащитный, дрожащий. – Мама снова в больнице. Они не знают... не знают, выкарабкается ли она.

Новый удар, новая бомба. Маме ведь становилось лучше. Такого поворота она и представить не могла.

– Дай мне двадцать минут. Я буду.

День будто потемнел, посерел, пока она произносила эти слова.

Кора сунула телефон в карман и сорвалась на бег.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Это был тот же кошмар, повторяющийся снова – как в первый раз, когда мама Кору заболела пару недель назад. Теперь, судя по отцовскому тону, всё было хуже. Какой будет прогноз?

Когда Кора с визгом тормозов остановилась у родительского дома, отец уже стоял у входной двери.

Лицо у него было белое, как простыня, седые волосы взъерошены. С этим он не справлялся. В прошлый раз он был таким же.

Тогда Кора поразилась, как сильно это его подкосило. Она думала, что сильнее уже не удивится, но ошиблась – когда взгляделась в его осунувшееся лицо и покрасневшие глаза.

Какое-то время назад она дала себе слово всё исправить с родителями, стать лучшей дочерью, чем была. Но до того, как у мамы обнаружили эту сердечную болезнь, возможности по-настоящему не было. Называлось это ишемией миокарда. Её, вроде бы, можно лечить. Маме становилось лучше, но теперь что-то пошло не так.

Теперь Кора боялась, что её попытки помириться с родителями, залатать их отношения – слишком слабы и слишком запоздалы. А если времени больше нет?

– Кора, – сказал он. – Не могу поверить, что это снова происходит.

Она сжала его руку. Холодная.

– Пойдём, пап, – сказала она. – Едем в больницу. В машине расскажешь, что случилось.

Она сняла с крючка в прихожей его куртку – и потому что не хотела, чтобы ему было холодно, и потому что он сейчас вообще не думал о себе.

В доме было куда грязнее, чем она привыкла. Когда мама была здорова, во всей Западной Виргинии не нашлось бы места опрятнее. С идеально вымытым полом можно было бы хоть есть – если только вам не по вкусу отполированный обеденный стол. С тех пор как она заболела, планка немного упала. Кора старалась помогать как могла, но всё равно делала недостаточно. Нужно было делать больше – потому что для мамы было важно, чтобы дом выглядел прилично. В этом и заключались его сердце и душа: ведь мама Кору была опорой общины. Всегда ею была.

Иногда Кора пыталась понять, как и почему она стала такой, какая есть. Словно подменыш – из тех, о которых она давным-давно читала в сказках. У её родителей должна была быть достойная дочь – мягкая, любящая. А досталась она: отступница, боец, бунтарка с той самой поры, как научилась думать самостоятельно.

Как бы там ни было, она могла и не быть ласковой дочерью, и между ними давно пролегла трещина, но сейчас именно ей нужно было держаться.

Отец, выходя из дома, споткнулся о придверный коврик с

надписью «Добро пожаловать» и едва не упал. Он не понимал, где находится, не следил за тем, что вокруг. Все мысли были о жене.

Если Коре когда-нибудь и требовалось доказательство, что родители были по-настоящему близки, – оно было в поведении отца сейчас.

– Я тебя держу, – сказала она, ухватив его под руку.

– Спасибо, Кора, – пробормотал он. – Прости. Я совсем потерялся. До чёрта неловкий. Будто я не здесь. Будто я там, с ней.

– Скоро будем.

Она крепко взяла его под руку, пошла рядом, помогла спуститься по дорожке. Открыла пассажирскую дверь и подождала, пока он заберётся внутрь. Потом села за руль и нажала на газ, мчась по дорогам к больнице.

Тишина в машине была тяжёлой. Сейчас было не до пустых разговоров; сейчас нужно было добраться как можно быстрее. Если отец захочет рассказать, Кора понимала, он расскажет.

И он рассказал.

– Она снова потеряла сознание, поздно ночью, – сказал он. – Парамедики приехали через пять минут. Сработали отлично. Делали ей сердечно-лёгочную реанимацию. Только поэтому она и выжила – чтобы довезли до больницы.

– Почему она потеряла сознание? – Это ведь и был главный вопрос. Почему вообще всё это случилось?

– В больнице сказали, что у неё развилась аллергия на лекарства, которые она принимала.

Коре показалось, будто нож вошёл ей в сердце. Аллергия на лекарства, которые её спасали? Это совсем плохо.

– Аллергическая реакция была такая сильная, что её подключили к аппаратам жизнеобеспечения. Им нужно приглушить аллергию, прежде чем они смогут делать что-то ещё.

– И как она сейчас?

– Её, конечно, ввели в медикаментозный сон, так что она не приходила в сознание. Что с утра – пока не знаю.

Кора стиснула зубы. Ей хотелось, чтобы этого не происходило. Ничего хорошего это не обещало. Это звучало хуже, чем в прошлый раз, и она понимала: надо быть готовой к тому, что будет, если мама не выкарабкается.

Это было отчаянно несправедливо. Маме ещё и шестидесяти не было. Впереди должны были быть десятилетия – чтобы оставаться опорой общины, печь пироги для церкви и помогать устраивать местные праздники. Десятилетия, чтобы жить и радоваться.

– Может, они подберут другое лекарство, – сказала она, стараясь мыслить позитивно. – Должны же быть варианты. Или они поймут, как контролировать аллергию.

Они подъехали ко входу в больницу, и Кора быстро припарковалась. Они поспешили внутрь, и их направили в отделение интенсивной терапии.

Наконец, у стойки приёма в отделении реанимации стро-

того вида старшая медсестра указала им палату, где лежала её мать.

Они недолго поспорили. Часы посещений почти закончились. Отец неправильно понял время.

– Она же родная! И мы здесь! – настаивала Кора. – Мы ненадолго. Но нам нужно её увидеть.

Отец бы не стал сражаться, но бойцом была она. Это она в каждом столкновении видела прочерченные линии фронта.

«Это нарушает больничный распорядок», – ворчала старшая медсестра, но Кора догадывалась: в её взгляде было что-то такое, что убедило медсестру – разумнее будет позволить им короткий визит.

«Только десять минут», – сдалась старшая медсестра и показала, куда идти.

Они поспешили по коридору и добрались до палаты матери. У Кору перехватило дыхание при виде матери, подключённой к аппаратам, с закрытыми глазами.

Она никогда не была с матерью по-настоящему близка, но увидеть её лежащей там – такой беззащитной – означало, что внутри у Кору что-то надломилось.

В палате был врач, он изучал её карту.

Сердце Кору ухнуло вниз, когда врач поднял на них взгляд – лицо у него было мрачное.

– Как дела у моей мамы? – вежливо спросила Кора. Тем временем отец рванулся вперёд и бережно сжал мамину руку. Она открыла глаза. Посмотрела на него. Значит, по край-

ней мере, в сознании. Может, это хороший знак?

Кора понимала, что, возможно, цепляется за ложную надежду. Особенно когда эти глаза снова закрылись.

Врач говорил медленно, негромко, но слова его били под дых. – Мне очень жаль, но состояние вашей мамы по-прежнему тяжёлое. Нам пришлось ввести её в медикаментозный сон, чтобы спал отёк после аллергической реакции. Отёк уходит, но нагрузка на сердце снова стала такой же, поэтому она вернулась к тому состоянию, в котором была при поступлении. Мы не можем назначить другой препарат, пока аллергия не пройдет.

– Но другой препарат есть? – нажала Кора.

Отец качал головой, отказываясь верить. Вот и всё. Тупик. Она не могла поверить, что это происходит снова – так скоро после прошлого раза. Она надеялась на чудо, на хоть какую-то искорку надежды, что мама сможет выкарабкаться.

И тут прозвучали слова, которых она так ждала.

– Мы попробуем ещё одно лечение, – продолжил врач. – Я не хочу зря вас обнадёживать: на него реагирует лишь небольшой процент пациентов, которым нельзя принимать тот препарат. Но первую дозу мы начнём завтра. Отёку понадобится ещё двенадцать часов, чтобы полностью сойти. Потом – минимум двадцать четыре часа, а скорее всего, вдвое больше, чтобы понять, работает ли это.

– Спасибо, – сказала Кора. Голос прозвучал пусто.

Она подошла к кровати, осторожно сжала мамину другую

руку. Кожа была холодной. В руках – иглы, трубки; Коре пришлось следить, чтобы не задеть их. Палату заполнял писк приборов. Но мама уже снова не спала и смотрела на неё – и Кора увидела в её глазах искру, которой не ожидала.

Мама будет бороться. Кора это чувствовала. Она будет изо всех сил цепляться за жизнь, и этот огонь был у неё в глазах – пусть приглушённый, дрожащий.

– Мам, всё будет хорошо, я знаю, – сказала Кора. – Эти новые лекарства подействуют. Они поставят тебя на ноги. Ты ещё снова будешь печь пироги, – она криво усмехнулась, и у мамы дрогнули губы, складываясь в неровную улыбку.

– Спасибо, – прошептала она хрипло. – Спасибо, что ты здесь... что помогаешь отцу.

И тут раздался ещё один звук.

Жужжание телефона.

Кора опустила взгляд на экран и с удивлением увидела, что это Гейб.

– Побудь с мамой, – тихо сказала она отцу. – Мне нужно ответить.

Она развернулась и быстро вышла из палаты. Внутри у неё кипела смесь чувств, пока перед глазами вставало лицо Гейба. Его низкий голос, непослушная прядь светлых волос, смягчавшая широкий лоб, эти мощные плечи, мозолистые ладони, которые при всей своей величине могли быть удивительно нежными.

Она понимала: между ними с Гейбом зарождаются чув-

ства, близость, выходящая далеко за рамки дружбы. И в то же время его отец был чудовищем. А Кора тогда была рядом и давила на отца Гейба, когда тот застрелился.

Гэбриел Финч не питал к отцу ни капли любви. Он был совсем не таким, каким был его отец – нисколько. Кора порой гадала, а был ли Бадди Финч вообще отцом Гейба. Но как бы там ни было, Коре не хотелось – никогда – рассказывать ему, что именно разыгралось в той глухой горной глуши.

Гейб помогал ей в одном прежнем деле, и с тех пор они не общались. Его завалило работой. Он брался за плотницкие заказы, которые становились всё более востребованными; о нём шла отличная слава, и люди делали заказов больше, чем он успевал выполнить. Теперь, возможно, он снова разгрёб завал.

– Привет, Гейб, – сказала она, ответив, едва оказалась в комнате ожидания.

Её поразил тон его голоса. Он звучал напряжённо. Гейб никогда не звучал напряжённо. Тревога стянула ей желудок узлом.

– Кора. Сегодня утром мама сказала мне, что твоя мама заболела. А я только что проезжал мимо больницы и увидел твою машину.

– Да. Я здесь с папой, – сказала она, и сердце подпрыгнуло от мысли, что Гейб рядом, что он присматривает за ней, что ему не всё равно.

– Я всё равно собирался тебе позвонить. Насчёт кое-че-

го странного, что случилось прошлой ночью, и я сказал, что спрошу у тебя. Я могу зайти и поговорить с тобой минутку?

Заинтригованная, Кора ответила:

– Конечно. Увидимся в вестибюле.

Гадая, что произошло, она вышла из палаты и поспешила вниз, навстречу Гейбу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кора увидела, как Гейб входит с улицы, в тот самый миг, когда она сбежала по лестнице. Она резко повернула голову, взгляд намертво вцепился в него. И через мгновение он так же поймал её взгляд.

Его невозможно было не узнать – и вообще невозможно не заметить. Большой, широкоплечий гигант, со взъерошенными тёмно-русым волосами и тёплыми зелёными глазами. Если перестать цепенеть от одного его вида – от сложения, как у игрока в американский футбол, – становилось видно, что лицо у него красивое. И при всей своей внушительной, даже угрожающей внешности Гейб был полной противоположностью Кору. Спокойный там, где она вспыхивала. Всегда предлагал более мягкий путь, когда Кора врывалась напролом, с шашкой наголо.

И всё же в Гейбе была внутренняя сила, физическая мощь и цепкий ум – и Кора ценила эти качества безмерно, когда он помогал ей в прошлых делах.

Теперь на его широком, красивом лице лежала тревожная складка.

– Что с твоей мамой? – это были его первые слова.

Но Кора не успела ответить: к её удивлению, он обнял её, прижал к себе. Лицо уткнулось в его широкое плечо, мягкая кожа куртки коснулась её щеки.

Она обхватила его руками и обняла в ответ, благодарная за его присутствие, за его силу и за то, что ему не всё равно. И ей тоже было не всё равно.

Потом она отстранилась и подняла на него глаза: после этих объятий стало гораздо легче, но одновременно казалось, будто чувства разлетелись в разные стороны. Ради отца она держалась. Теперь, после доброты Гейба и этих объятий, её повело, и слёзы уже готовы были сорваться.

– У неё случилась аллергическая реакция на лекарство, которое она принимала. Теперь воспаление стало проблемой, и сердце опять работает с трудом. Врачи пробуют новое лекарство, но, по-моему, это шанс один на тысячу. Ну то есть, если оно такое хорошее, почему они не назначили его сразу?

Гейб задумчиво нахмурился.

– Кто врач?

Кора видела бейдж. Запомнила, но тогда это не держалось на поверхности сознания. Теперь нужно было вытянуть имя наружу.

– Доктор Фокс, – сказала она, вспомнив. Это у неё получалось хорошо: если она что-то видела и давала подсознанию поработать, обычно вспоминала без труда.

– Доктор Фокс? Я его знаю. Он уже лечил мою семью, и он очень хороший. Если кто и может ей помочь, так это он.

– Если кто и может... – Кора поморщилась.

– Когда они узнают?

– Думаю, когда лекарства успеют подействовать. Он сказал – скорее всего, через пару дней. Сначала нужно взять под контроль аллергическую реакцию.

Гейб кивнул, не отвечая. Кора посмотрела на него уже с любопытством: он казался чем-то поглощённым, будто напуганно о чём-то думал.

– Наверное, лучше мне тебе это сказать, – произнёс он.

– Сказать что?

– Не хочу тревожить тебя ещё сильнее, но, похоже, на данный момент твоя мама достаточно стабильна. – Гейб вздохнул.

– В каком смысле? – спросила Кора, и в голосе вспыхнула агрессия. – Ты что-то от меня скрываешь?

Гейб поднял свои большие ладони в примиряющем жесте.

– Я бы всё равно тебе сказал. Просто легче, что она стабильна. Мне спокойнее – насчёт того, что это такое и что это может означать.

– И что же это? – спросила Кора. Они стояли посреди больничного вестибюля: вокруг кипела жизнь, люди торопливо сновали туда-сюда. Гейб взял её под руку и отвёл в сторону, подальше от толпы. Она вопросительно взглянула на него.

– Вчера вечером через наш район проезжала одна женщина, которую я смутно помню.

– Проехала мимо твоего дома? – озадаченно спросила Кора.

– Нет. Она стояла у дома твоих родителей – просто ждала. И когда я проходил мимо, она меня узнала и спросила, где ты. Я сказал, что вижу тебя время от времени. Предложил ей зайти и поговорить с твоими – это было ещё до того, как я узнал, что случилось с твоей мамой.

Кора кивнула. Ухудшение, аллергия – всё произошло за ночь. Вчера вечером родители были дома. Так почему же эта женщина не вошла?

– Она отказалась. Потом я попытался дать ей твой номер телефона, но она не взяла. Вместо этого она дала мне вот это и сказала, что тебе нужно прочитать. Что это важно. Она выглядела напряжённой. Я сказал, что передам тебе как можно быстрее.

Он пошарил в кармане пальто и достал небольшой, потрепанный на вид конверт из манильской бумаги.

– Кто она? Почему ты мне не говоришь, Гейб?

– Потому что я не знаю. Это женщина. Она не назвала мне своего имени. И я видел её раньше, много лет назад, но имя тоже вспомнить не могу.

Брови Кору поползли вверх. И правда – прямо шпионские игры.

– Как она выглядела?

– Примерно твоего роста. Серебристые волосы, совсем короткие. Зелёные глаза. Кажется, татуировки. В чёрной куртке и джинсах.

Кора кивнула. Она знала, кто это – во всяком случае, ей

так казалось. Триша Мосс, её знакомая из армейских времён, ещё когда Кора служила в «морских котиках». Это было будто в другой жизни. Но дружба и верность времени не подвластны.

Тогда, в «морских котиках», Кору звали Коброй – поэтому на бицепсе у неё и появилась татуировка со змеей. Тришу звали Мамбой. Такая же смертоносная, и она набила похожую татуировку на предплечье.

– Это Триша. Она вербовщица в армии. Или была. Я не видела её годами. Она всегда обесцвечивала волосы до белизны.

Триша была крепким орешком – с дерзким чувством юмора и молниеносным умом. Смелая и умная, она несколько лет служила в «морских котиках», а потом перешла на вербовку для всех родов войск. И у неё это отлично получалось, вспоминала Кора. Она тонко чувствовала людей: понимала, кто выдержит и найдёт своё место, а кто – нет. В армии ценили такие навыки.

Почему Триша шлёт ей записки? Почему просто не попросить у Гейба номер? Это же самый простой способ связаться, разве нет?

– Она не взяла мой номер телефона?

Гейб приподнял бровь.

– Я пытался. Без толку. Она очень настаивала, чтобы ты это прочитала. Я не знаю, что там, но похоже, это важно.

Кора взяла у него конверт и повертела в руках. Он был

заклеен лентой, а надписей не было никаких. Даже имени.

Озадаченная, Кора вскрыла конверт.

Внутри лежала записка, написанная от руки.

"Жестяная крыша. Угол Северной и Голубиной дорог. Я буду там каждый вечер с шести."

Кора уставилась на записку, перечитывая её снова и снова.

– Странно, – сказала она. – А вообще она выглядела нормально?

– Да, странно, – согласился Гейб. – И нет, она выглядела на взводе. У меня было ощущение, что она хочет увидаться с тобой лицом к лицу, не связываясь заранее. Может, у неё что-то происходит, и она хочет тебя кое о чём спросить. Что-то конфиденциальное.

Кора думала ровно о том же. Записка даже не была подписана.

Она вздохнула, чувствуя, будто её разрывают на миллион частей сразу. Ей нужно было собраться, но точек напряжения в жизни стало так много, а записка от Триши была лишь ещё одним осложнением.

– Слушай, твоя мама сейчас должна быть на первом месте, – рассудил Гейб. – В записке же сказано: «каждый вечер». Если Триша хочет тебя увидеть, разве не может подождать пару дней?

Но Кора тревожилась не только из-за родителей. Она знала и о других осложнениях, нависших над её жизнью, – спасибо недавней встрече с мафиозной связью. Вечеров могло

остаться не так много. Ей, возможно, придётся уехать за границу, чтобы искать Роуз, если удастся выяснить, куда её переправили. Это вполне могло случиться уже через пару дней – когда появятся новости, на какой корабль её посадили и куда он ушёл.

А в ближайшей перспективе врач сказал, что в состоянии матери изменений не будет.

Она могла отвезти отца домой, провести с ним день, попытаться его успокоить. Проследить, чтобы в холодильнике стояли ужины на пару дней, закинуть стирку, прибраться на кухне. Тогда она сделает для него всё, что в её силах.

И если есть проблема, если этой её старой подруге нужна помощь, лучше узнать об этом раньше, чем позже. Что могло быть настолько важным, что Трише пришлось пройти через все эти хлопоты, лишь бы до неё добраться?

– Мне нужно ехать сегодня вечером, – сказала она. – В этот бар. Я должна выяснить, чего хочет Триша, и если это важно, я не могу это игнорировать. Скоро могут начаться другие события, и если начнутся, меня какое-то время не будет рядом.

Гейб помедлил. Потом спросил:

– Хочешь, чтобы я поехал с тобой?

И вдруг мысль о встрече с Тришей стала куда привлекательнее.

– Я бы очень хотела компанию, – сказала она. И поняла, что надеялась, что он предложит.

– Тогда в шесть вечера, – сказал он. – Заеду за тобой к вашим. – Он сделал паузу, внимательно взглядываясь в неё. – Ты точно в порядке?

Она покачала головой.

– Я из-за этого переживаю. Триша никогда не просит о помощи. Никогда. Я понятия не имею, в чём дело, но уже сейчас могу сказать: это будет что-то плохое.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

«Жестяная крыша». Кора никогда не слышала об этом месте, но, судя по приложению с картами, ехать было около 16 километров – и не в самую приятную сторону. Пока они с Гейбом ехали по изъеденному временем асфальту, дома вдоль дороги становились всё более перекошенными и убогими. За ними медленно наступали тёмные лесные массивы, и на холме Кора заметила древний, развалившийся фермерский дом.

– Здесь где-то была старая армейская база, – вспомнила она. – Или была, по крайней мере. Кажется, её закрыли какое-то время назад. Небольшая. – Она предположила, что именно база когда-то и дала бару повод для существования. Теперь же она не знала, чего ожидать внутри. Кроме Триши. Триша всегда была человеком, который держит слово. Если она обещала быть в этом баре каждый вечер с шести, значит, именно там Кора и найдёт её.

Прошли годы с тех пор, как она видела Тришу, и Кора не могла представить, что могло быть настолько важным, чтобы послать такую загадочную записку.

Когда они подъехали, бар выглядел ровно так, как она и ожидала. Захудалая придорожная забегаловка: облупившаяся краска, окна, которым давно пора бы помыться, и мерцающая неоновая вывеска с надписью «Открыто». На стоян-

ке теснились несколько машин, выдавших виды, и пара мотоциклов. Кора заметила, что лицо Гейба отражает её собственный скепсис.

Но это было место встречи, значит, пора входить и выяснить, зачем Трише понадобилось увидеться с ней так срочно.

Кора вышла из машины и, пока Гейб шагал позади, направилась к бару и толкнула дверь. Петли жалобно скрипнули, когда она вошла.

Если уж на то пошло, внутри было хуже, чем снаружи. Казалось, тут не убирались с тех пор, как закрыли армейскую базу. По исцарапанному полу стояли кое-где деревянные столы, отчаянно нуждавшиеся в ремонте. И всё же они были заняты. Бар неожиданно оказался почти полон. Небольшие компании – в основном мужчины, в основном за сорок – недоверчиво поглядывали по сторонам, когда они вдвоём вошли. Посетители за столами казались такими же потрепанными, как и сам бар. Это уже давно не армейская питейная. Скорее – место для немолодых байкеров. Поэтому Триша и выбрала его? Вся эта скрытность до сих пор укладывалась в одну логику: она не хотела показываться там, где её мог увидеть кто-то знакомый.

Воздух был забит дымом и вонял прокисшим пивом, а из музыкального автомата глухо долбило – тяжёлый металл из восьмидесятых.

Где Триша?

Оглядываясь, Кора сперва её не увидела – а потом увиде-

ла. И едва узнала. Триша сидела за столиком в углу, натянув на лицо чёрную бейсболку так низко, что она скрывала её серебристые волосы. На ней был огромный тёмный плащ.

Лица толком не разглядеть, но языка тела хватало, чтобы понять: что-то не так. Она сутулилась над столом, плечи были напряжены, а пальцы нервно теребили зажигалку.

Когда Кора подошла, Триша подняла глаза. Эти зелёные глаза были такими же яркими и живыми, какими Кора их помнила. Лицо стало более обветренным. В ушах появилось пару новых проколов. Триша никогда не увлекалась макияжем – и, похоже, это не изменилось.

– Спасибо, что пришла, – сказала она. Мельком взглянула на Гейба и снова перевела взгляд на Кору.

Кора догадалась, что Триша хочет поговорить с ней наедине. И теперь она ясно видела: эта женщина на взводе. Что-то случилось – потому что такого за ней Кора не помнила. Раньше Триша была ледяной, спокойной, сдержанной. А сейчас напряжение читалось в каждом движении.

– Я принесу нам выпить, – сказал Гейб. – Тебе что?

Триша попросила пиво – какое у них там на разлив. Кора заказала колу, помня о своих демонах. Один бокал мог потянуть за собой второй, потом третий – и дальше наступала тьма. Надёжнее было держаться подальше.

Гейб ушёл за напитками, а Кора придвинула стул поближе.

– Что случилось? – спросила она Тришу.

Но Триша покачала головой.

– Послушай... твой телефон, – тихо сказала она.

– А что с ним?

– Можешь выключить?

У Кору расширились глаза. Это уже не просто осторожность. Это паранойя. Что бы ни происходило, Триша считала это серьёзным. И она боялась.

Кора вытащила телефон из кармана и выключила.

– Ладно. – Триша выдохнула. Пальцы всё так же крутили зажигалку. Она достала сигарету и прикурила. – Как я жила? Ну... нормально, наверное. Не всегда было легко. Бывали тяжёлые времена. С работы в рекрутинге я ушла уже давно. Теперь работаю в спортзале. Но с людьми на базе всё ещё держу связь.

– С той, что рядом? Я думала, её закрыли, – сказала Кора. Ей показалось, что Триша так же плохо умеет вести светские разговоры, как и она сама, и что эта болтовня – всего лишь способ подступиться к тому, о чём она на самом деле хочет поговорить.

Может, она хотела понять, что собой представляет Кора и чем она занимается, вдруг подумала Кора.

Гейб слишком долго возился с напитками, и Кора решила, что он протянет сколько нужно – лишь бы она развернулась и сказала ему, что разговор окончен.

– Да, ту базу закрыли. Их перевели на базу побольше, в Хартфорд, это примерно в восьмидесяти километрах отсю-

да?

– Я знаю эту базу, – сказала Кора.

– А ты? Чем занимаешься?

– Всё тем же, – ответила она. – Всё так же работаю частным детективом, когда подворачивается случай и дело мне подходит.

– Понятно. Понятно, – сказала Триша. Кора видела, как у неё в голове шестерёнки закрутились. Триша глубоко вдохнула. Оглянулась через плечо и обвела взглядом зал – будто проверяла, нет ли рядом кого-нибудь.

По спине у Кору пробежали мурашки: Триша явно нервничала. Да что, чёрт возьми, происходит?

Триша наклонилась вперёд. И почти неслышно заговорила.

– Слушай, там что-то происходит. На той большой базе. Кора тоже подалась вперёд.

– Что именно? – спросила она, тоже шёпотом, едва различимым на фоне грохочущего металлического рока.

– Не знаю. Но... но это связано с новыми новобранцами. С теми, кто на базе недавно – от пары недель до года. Некоторых нашли мёртвыми.

– Мёртвыми? – у Кору расширились глаза. – Как?

– Похоже, их «посвящали». Находили утром, избитых. Так я слышала. Ну, такое ведь бывает? – Её зелёные глаза встретились с глазами Кору.

– Да, знаю, – сказала Кора.

– Но тут перешли грань. Серьёзные травмы головы. Наме-
ренно – смертельно, это точно. Никто не знает, кто это сде-
лал и что там произошло. И никто не говорит ни слова.

– А армия? – спросила Кора.

Триша пожала плечами.

– Они расследуют. Или говорят, что расследуют. Но всё
заминают, потому что такое – плохо, очень плохо, и кто зна-
ет, кто за этим стоит? Это не «посвящение». Я уверена. Я
думаю, это убийство, и кто-то делает вид, будто посвящение
просто пошло не так, потому что понимает: так проще всего
уйти от ответственности.

– Поняла, – сказала Кора.

Кора опёрлась на локти, и мысли понеслись вскачь от того,
что только что рассказала Триша.

– У меня там подруга. Она со мной связалась. Новобран-
цы боятся, очень боятся. Никто не понимает, что происхо-
дит, и найдут ли они ответы. Я не думаю, что найдут. Я не
знаю, к кому ещё обратиться. Но я знаю тебя, Кора. Ты един-
ственная, кому я могу доверить это – чтобы ты разобралась
и выяснила, что там на самом деле.

– Так чего ты хочешь от меня? – спросила Кора. – Ты про-
сишь меня расследовать?

Триша кивнула.

– Я не доверяю армии – они всё сделают как надо? Нет.
Кто-то в цепочке командования это прикрывает, и доста-
точно одного человека. А может, и нескольких. На той базе

мерзкая атмосфера. Токсичная. Это одна из причин, почему я и ушла с работы вербовщика.

– Похоже, это нужно вытаскивать наружу, – согласилась Кора.

– И я знаю, что ты хорошо делаешь своё дело. Я хочу, чтобы ты выяснила, кто за этим стоит. И чтобы они заплатили за то, что натворили.

Кора задумалась, мысли метались. Времени у неё почти не было. Через два дня она, возможно, узнает больше о Роуз. Через два дня состояние мамы может ухудшиться. На неё давило слишком многое, слишком много было требований и обязательств.

И всё же – люди умирают. От этого не отвернёшься. А два дня у неё, по сути, есть. Если начать копать, может, она успеет за это время найти то, что нужно.

Она обернулась и кивнула Гейбу. Он подхватил напитки. Потом она снова повернулась к Трише.

– Ладно, – сказала Кора. – Я возьмусь. Но времени у меня мало. Возможно, послезавтра мне нужно будет быть в другом месте. А пока я сделаю всё, что смогу.

– Сколько ты берёшь? – спросила Триша.

Кора покачала головой.

– Нисколько. Ты не заставишь меня взять с тебя деньги. Так что даже не пытайся. Это нужно исправить – и я это сделаю.

– Спасибо, – сказала Триша, и Кора никогда не слышала,

чтобы в двух простых словах помещалось столько искреннего чувства.

Но затем она добавила уже другим тоном:

– Пожалуйста, будь осторожна. В последнее время я слышала про эту базу плохое. Дурные слухи. Похоже, там всё выходит из-под контроля. Я хочу, чтобы ты разобралась, Кора, – но я не хочу, чтобы ты погибла. Или чтобы ты... исчезла.

ГЛАВА ПЯТАЯ

К удивлению Кору, Триша даже не стала дожидаться напитка. Едва Гейб вернулся, неся стаканы, она поднялась и ушла. Гейб проводил её взглядом – таким же ошеломлённым, как чувствовала себя Кора.

– Она рассказала мне, что происходит, – сказала Кора и отпила свою колу. Говорила она тихо. Кора понимала: Триша скрытничала не просто так – учитывая её последнее предупреждение, на то была чертовски веская причина. Кора не собиралась рисковать, будто вокруг могут быть лишние уши. Но Гейбу она всё равно собиралась рассказать всё до конца – потому что хотела попросить у него помощи.

– Новобранцы армии, те, кто относительно недавно в системе. Их находят мёртвыми по утрам на той большой военной базе, – сказала она. – Пока троих, вроде бы. Все новенькие, за последние пару лет. Выглядит как дедовщина, которая пошла не так, но никто не знает, кто за этим стоит, и кто-то по командной цепочке это заминает – возможно, потому что это бросает на них тень.

– Запутанно, – сказал Гейб. – И ты собираешься это расследовать?

Кора кивнула.

– На армейской базе?

Она пожала плечами.

– Я бывшая морская пехота. У меня остались кое-какие старые контакты в системе. Придумаю, как.

– Это будет непросто. – Гейб покачал головой. – А с твоей мамой?

Кора скрестила руки.

– У меня есть два дня. Столько ей понадобится, чтобы отойти от аллергии, и чтобы врачи поняли, подействуют ли эти новые лекарства. И люди умирают, Гейб. Я знаю, какво быть новобранцем. Это не прогулка. Тебя травят, гоняют, издеваются. Часто чувствуешь себя среди врагов. Кажется, что с тобой может случиться что угодно – и никто даже не узнает. И кто-то этим пользуется.

Она почувствовала, как внутри поднимается злость. Всё это было жестоко и несправедливо. Новобранцам приходилось проходить через огонь и воду – да. Такова армия. Надо быть крепким и готовым к неожиданностям. Но быть убитым? Чтобы какой-то псих прикрывался системой, как щитом, и безнаказанно убивал? Это было зверством. А она, возможно, та, кто сможет остановить это быстрее всех. Никто не заслуживает проводить каждую ночь в ужасе, пытаясь хоть как-то уснуть на этих узких койках, измученным и напуганным, не зная, доживёшь ли до утра, не зная, расследуют ли всё по-настоящему или просто давят, надеясь, что само рассосётся.

Гейб вздохнул.

– Ладно. Я просто говорю, что у тебя и так дел по горло.

А он и половины не знал.

– Да, знаю, – сказала она.

– Если ты собираешься за это взяться, тебе нужна помощь? – спросил он.

Кора допила колу. Она посмотрела на полный бокал пива. Три месяца назад она бы без проблем взяла его и осушила в несколько быстрых глотков. Теперь всё изменилось – и она изменилась; ей не хотелось снова идти этой дорогой. Это неизбежно потянуло бы за собой большее. Один бокал – только начало, а одного ей никогда не хватало, так что начинать она не собиралась.

Она отодвинула бокал, отдаляя его от себя.

– Ты предлагаешь? – спросила она. – Потому что если предлагаешь, я буду благодарна.

Гейб кивнул.

– Предлагаю. У меня есть время. Я сделал три недели работы за две. В общем, у меня есть пара свободных дней. Если тебе понадобится, я помогу.

– Ловлю тебя на слове, – согласилась Кора. – И спасибо.

– Тогда, – сказал он. – С чего начнём?

Она задумалась.

– Неподалёку от базы есть мотель. Думаю, завтра утром двинем туда и обоснуемся. И ещё рядом есть местечко, куда, я знаю, многие из армейских любят заглядывать в увольнение. Начнём оттуда. Нам нужно найти того, кому стоит задать вопрос, а потом – прижать его. Жёстко.

– Это и есть то самое место? – удивлённо спросил Гейб.
Кора кивнула.

– Когда я служила здесь неподалёку, сюда армейских тянуло как магнитом. Уверена, и сейчас так же.

Они приехали в мотель час назад, сняли номер, свалили снарягу. Теперь было позднее утро; моросил дождь, и Кора сворачивала на парковку местного ипподрома.

Скачки. Бар и ставки. Место, где можно как следует оттянуться. Сюда приходили в надежде поднять денег, но чаще всего спускали всё жалованье. Сегодня была суббота – а значит, шанс заметить тех, кто им нужен, становился ещё выше.

Она выбралась из машины, и они прошли через турникет внутрь.

– Нам нужен правильный человек, – сказала Кора, оглядываясь и прикидываясь на местности.

Бар ипподрома был справа. Рядом – трибуны. Над баром располагалась закрытая зона для владельцев и тренеров. Слева – выводной круг: лошади ходили по кругу, готовясь к следующему заезду. Кора на минуту залюбовалась ими. Ведённые конюхами, одни шагали спокойно, другие взвинченно шарахались и трусили боком. Давным-давно она слышала, что лучше ставить на спокойных – мол, те не растрачивают силы до старта. Но насколько это правда, она понятия

не имела.

Если это и правда, решила она, её деньги – на шестого: стального серого коня, который невозмутимо шагал по кругу, словно не замечая истерик рыжего скакуна впереди, которого двое конюхов едва удерживали, пока тот подпрыгивал и дёргался в нервной рыси.

Комментатор надрывался, голос то взлетал, то падал, без конца перекатываясь в холодном сыром воздухе.

– А кто «правильный человек»? – спросил Гейб.

Решив, что лучше всего начать с бара, она направилась туда.

– Нужен командир роты или выше.

– Командир подразделения?

Она кивнула.

– Хочу начать с верхов. Всегда успеем спуститься ниже. Но шанс подцепить крупную рыбу может быть всего один.

– Ладно, – сказал Гейб.

Войдя, она сразу поняла: легко не будет. Бар оказался огромным – многоуровневым, с нижним этажом и верхним. Несколько стоек. Пара точек с едой. Людей – тьма, всё кишело. Лифт сбоку, ведущий на этаж владельцев и тренеров, охранял секьюрити: проверял удостоверения. Значит, никто из армии туда не попадёт, но теоретически они могли быть где угодно в остальных залах.

– Надо разделиться, – решила Кора. – Иначе это займёт вечность. Возьмёшь верхний этаж? Я – этот.

– Ищем армейские стрижки, армейскую одежду? – спросил Гейб. – А как ещё понять, что он командир?

– Мужик постарше, – сказала Кора. – Если нам нужен тот, кто в теме, с теми, кому нет тридцати, разговаривать смысла нет. Старше – значит, шансы на высокий чин выше. И действовать надо незаметно.

Даже произнеся это, она заметила, как у Гейба дёрнулась бровь. Незаметно? Кора и рядом не стояла с незаметностью. С чего бы начинать сейчас?

– Хорошо. Если найдём кого-то – звоним друг другу?

– Да, – сказала она.

Гейб направился к лестнице, а Кора вошла в бар и, лавируя в толпе, начала высматривать тех, чья внешность и повадки кричали: «Армия».

По дороге ей попался киоск приёма ставок.

Она остановилась и поставила последние пятьдесят долларов на шестого – серого. На победу. Коэффициент был десять к одному. Не ахти какие шансы – значит, букмекеры в него не верили. Звали его «Серебряный Цветок». Даже звучит не по-скаковому. Такое имя впору лошади, что целыми днями дремлет на пастбище. Скорее всего, она просто выбросила деньги на ветер.

Но теперь в кармане лежал талон, и вместе с ним – шанс. И она пошла дальше, настороженно глядя по сторонам, понимая, что ей нужно найти того самого человека.

За столом сидела кучка людей, без сомнения военных, но

приглядевшись, она поняла – моложе. Низший состав, не те, кто ей нужен. Она продолжила искать.

Почти пройдя бар насквозь, Кора заметила парня, подходившего под ее приметы. Он сидел один за столиком ближе к задней стене и цедил выпивку. Мужчина средних лет, с обветренным лицом, в армейской куртке. Короткая стрижка под машинку. Жесткая, квадратная челюсть.

Она подошла, и он обернулся, вопросительно посмотрел на нее.

– Ты военный? – спросила она. – На базе неподалеку служишь?

Его лицо мгновенно замкнулось.

– Ну и что, если так? – отрезал он, настороженно.

Кора подняла руки, показывая, что без подвоха.

– Эй, я не скандалить пришла. Я просто хочу поговорить с тем, кто может знать, что там происходит.

Мужчина посмотрел на нее с подозрением, но промолчал. Кора решила, что это хороший знак, и продолжила:

– Я слышала, там какие-то неприятности... и, может, тебе бы не помешала помощь – разобраться, что к чему?

Он прекрасно понял, о чем она, – это было видно по глазам. Но на крючок не шел.

– Понятия не имею и знать не хочу, что ты там пытаешься сказать, – жестко произнес он. – А теперь проваливай.

Ладно. Тут ничего не выйдет. И она уже не была уверена, что он настолько высок по званию – вблизи, если присмотр-

реться. Хотя, что происходит, он явно знал.

А значит, мог рассказать другим, что она к нему подходила. Если он и правда так нервничал и защищался, как казалось, это было вполне реально.

Кора отступила в угол бара, спряталась за группой людей и стала за ним наблюдать.

И точно: примерно через минуту он поставил пустой стакан и поднялся.

Скачка вот-вот должна была начаться. Бар наполнялся предвкушением: лошади заканчивали легкий галоп к стартовым боксам, и их начали заводить внутрь. С несколькими возникли проблемы. Рыжий упирался и не хотел заходить.

«Серебряный Цветок» неспешно вошел сам и замер, опустив голову, словно задремал.

И тут взгляд Кору зацепился за того низшего по званию, который ее отшил. Он уже покинул место и теперь целеустремленно шел через бар к задней двери, и по пути она увидела, как он говорит по телефону.

Держась в нескольких метрах позади, Кора пошла за ним.

Собирается кому-то пересказать ее вопросы? Она была почти уверена – он убрал телефон и вышел в заднюю дверь.

Кора ускорила, протиснулась мимо мужчины, который считал, что имеет преимущество, и ожидал, что она уступит. Она проигнорировала его сердитый вопль, когда пиво в его руках плеснулось и залило ему ладонь.

– Был бы повежливее – ничего бы не случилось, – пробормо-

мотала она себе под нос.

И вот она уже снаружи, озирается в поисках того типа. Он был у парковки – и она оказалась права. Его приятель как раз собирался уезжать.

Только уже не собирался. Он вылезал из машины, и они вдвоем уставились прямо на нее.

– Эй! – окликнул тот, который не дотягивал до командира. – Иди сюда. Поговорить надо.

Кора не хотела привлекать лишнего внимания. Только не сейчас – не на этой убогой стоянке по другую сторону ипподрома. Ей хотелось опустить голову и затеряться. Но, уже повернувшись, чтобы вернуться внутрь и раствориться в толпе, она почувствовала, как сзади её схватили за руку.

Третий.

Она оказалась в кольце – это была засада.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Им было что скрывать – Кора не сомневалась. Эти типы знали, что происходит, и делали всё, чтобы замять дело. Начать решили с того, чтобы убрать её.

На стоянке не было ни души. Ни следа Гейба. Она осталась одна – двое мужчин быстро приближались, а третий держал её сзади, вцепившись руками в правое плечо и левую руку.

Она ощущала, как его пальцы вдавливаются в мышцы – он хотел причинить боль. Всё шло к тому, что будет грязно. Ребята крепкие, жестокие – из тех, кого на любой военной базе ищи на самом дне, среди отребья.

Но они не знали, кто она. Они приняли её за гражданскую и решили, что она лёгкая добыча. Наверняка собирались как следует её отделать – сломать нос, пару рёбер и уложить в больницу на недельку-другую.

Не дождётся, подумала Кора. Не дав двум подойти вплотную, она резко развернулась, вырвалась из захвата – ровно настолько, чтобы правым локтем со всей силы врезать тому в живот.

Тот хрипло охнул и отшатнулся, но Кора не стала задерживаться, чтобы добивать. Она освободилась – и пока этого было достаточно.

Из бара доносились крики и возбуждённый гул: загружали

последних лошадей. Все смотрели туда, внутрь, и никто не замечал, что разворачивается на задней стоянке. Гонка привлекала внимание, а значит, Кора была предоставлена самой себе.

Ей нужно было взять ситуацию под контроль – и быстро.

Она рванула к двум остальным, которые были всего в нескольких метрах и стремительно сближались. Увидев, как она вырвалась, они переменились в лице: вместо агрессии – удивление.

Сначала главного. Всегда валить самую большую угрозу, заводилу. Так её учили.

Кора бросилась на того, с кем говорила первым. Нужно было уложить его – быстро и без церемоний. Он готовился ударить, но, если она успеет, до удара дело не дойдёт. Она пошла ногами: в прыжке – круговой удар по колену. Точно, идеально. Он сложился пополам, забыв про кулак, и она тут же ударила снова – в грудь, используя импульс, чтобы развернуться к его напарнику, помня, что тот, что был сзади, уже приходит в себя и готовит новую атаку.

Кора провернулась на левой ноге, и правая, уходя назад, врезалась второму в живот. Его согнуло, он закашлялся, захрипел. Она сразу поняла: он перебрал. Удар в живот вывел его из строя настолько, что он мог только согнуться и начать плевать.

А вот с тем, что был сзади, у неё терпение закончилось. Мышцы есть – мозгов нет, да и медлительный, как бык. Она

ушла от удара, который видела за километр, нырнула под руку и рубанула ребром ладони по шее. Затем основанием другой ладони впечатала ему по виску. Он, оглушённый, рухнул на колени и закашлялся.

В одно мгновение Кора снова была у заводилы – того самого, с кем разговаривала внутри. Он корчился на асфальте, рыча от боли. Она пнула его в рёбра, припечатав к земле, и вывернула руку за спину так высоко и туго, как только могла.

– Вот так, – пробормотала она ему на ухо. – А теперь поговорим.

Ликование изнутри стало ещё громче. Гонка началась. И у неё тоже – своя, личная гонка со временем. Его оставалось совсем чуть-чуть, прежде чем кто-нибудь выйдет и найдёт их. Нужно было выжать из этих минут всё.

– Скажи то, о чём я спрашивала, иначе я раздроблю тебе второе колено, – пригрозила она.

В ответ он грязно выругался, выплюнув целую очередь дерзких матов. Он изо всех сил пытался сопротивляться: извивался и дёргался под ней, стараясь взять верх за счёт силы и веса. Ей нельзя было терять концентрацию ни на миг. Достаточно одного мгновения – и всё перевернётся.

Она сильнее дёрнула его за руку, и он захрипел.

– Хочешь сломанную руку? – прошипела она. – Говори!

– Ладно, – пробормотал он. – Ладно.

– Имя!

– Мы знаем, что происходит. Новеньких на базе находят

мёртвыми. Да, может, их убили. Но нам запрещено об этом говорить.

– По чьему приказу? – надавила она.

Он замялся – ответ, которому Кора не доверяла. Этот ко-
сой взгляд сказал больше любых слов. Он пытался заманить
её и вцепиться, когда она не ждёт. Она на это не купится.

– Ты мне скажешь, – сказала она, – или я сломаю тебе
руку. Сейчас. И я не шучу.

Она снова рванула его руку, чтобы он понял, и он засто-
нал.

– Скажу... только обещай, что это никуда не пойдёт, – вы-
давил он.

– От меня – никуда. За твоих дружков не поручусь, – хо-
лодно бросила она. – Но за молчание мне от тебя потребует-
ся ещё одна услуга. А пока – выкладывай.

– Офицер Гаррет. Он единственный, про кого я знаю: это
он всё заминает. Если есть другие, я не знаю кто, но он ска-
зал, что не хочет, чтобы это всплыло. Никому нельзя об этом
говорить, а если услышим, что кто-то болтает, нам разреше-
но применять силу.

– Ну конечно. Другого вы и не умеете, да? – усмехнулась
она.

Но имя у неё хотя бы было. Пора уходить, найти Гейба и
рассказать ему, что она узнала. Сначала, правда, надо было
прижать этого типа ещё крепче – она с ним ещё не закончи-
ла.

– Мне нужно, чтобы ты помог мне позже, когда стемнеет, – сказала она.

– С какой стати мне тебе помогать?

– Потому что если не поможешь, я позабочусь, чтобы все узнали: тебя и твоих дружков избилa женщина. Вот чего я хочу. Через час, когда стемнеет, отвезёшь меня на базу. Я поговорю с Гарретом. Ты повезёшь меня в багажнике. Заедешь, откроешь, уйдёшь. Больше ты меня не увидишь.

– Ладно, – буркнул он.

Кора всё равно ему не доверяла. С какой стати? Ни одной причины. Значит, нужна страховка.

– Дай ключи от машины, – сказала она. – Сейчас!

Он пошарил в кармане куртки и протянул связку ключей от «Форда».

– Какого именно?

– Серый седан в конце стоянки, – пробормотал он.

Она в последний раз дёрнула его за руку. С ней он бы так не церемонился. Будь они втроём – к этому моменту у неё уже было бы несколько переломов. И шрамы на всю жизнь. Эти падальщики – злые, мерзкие твари. Они заслуживали от неё большего, но ей было лень.

– Через час. Ты и я – одни. Встречаемся у твоей машины.

Она сунула ключи в карман, поднялась и ушла, оставив троицу подниматься с земли.

Ликующие крики достигали апогея, когда она вернулась внутрь. Она бросила взгляд на экран – глаза распахнулись от

удивления. Впереди был «Серебряный Цветок». Он лидировал на голову. Пока она смотрела, отрыв увеличился до корпуса. Он промчался мимо финиша; следом, плотной кучей, шла группа других лошадей, яростно споря за призовые места. А в самом хвосте каштановый рысак тянулся неторопливо, словно прогуливался, не напрягаясь. Устал после своих выкрутасов в выводочном круге. Может, то, что она слышала, и правда оказалось правдой, а может, это было всего лишь совпадение. Как бы то ни было, она стала богаче на пятьсот долларов. Это дело всё-таки принесло деньги. Теперь она сможет выкупить мамино кольцо.

К ней по лестнице спускался Гейб.

– Ну как, повезло? – спросил он, когда она торопливо подошла. – Мне нет. Был один тип, похожий на военного, но слишком молодой и с девушкой.

– Мне повезло, – сказала она. – Я добыла имя. Офицер Гаррет. Похоже, он в курсе, что происходит. Это он отдавал приказы всё замять.

Глаза Гейба широко раскрылись.

– Отлично. Пойдём поговорим с ним прямо сейчас?

Кора покачала головой. Она достала из кармана квитанцию на ставку.

– Мне надо забрать выигрыш.

– Что? – Гейб прозвучал ошарашенно.

– А через час, когда стемнеет, человек, с которым я говорила, отвезёт меня на базу. Ключи от его машины у меня –

чтобы он не передумал. — Она позвенела ими в кармане.

— Это же рискованно! — Гейб говорил с сомнением, но Кора не собиралась отступать.

— Иначе нельзя, и это мой лучший шанс. Мне нужно туда попасть. Теперь у нас есть имя. Мы должны найти его и поговорить с ним. Он санкционировал насилие против тех, кто об этом говорит, и я хочу знать, какого чёрта он это сделал.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Он сжимал края мешка, который использовал как повязку на глаза, – пальцы судорожно вцепились в грубую ткань. Кого он выберет следующим? От этой мысли его охватывало возбуждение. Столько возможностей. Первые несколько раз пробудили в нём жгучую потребность в продолжении. Семени насилия в нём проросли – крепче и стремительнее, чем он сам ожидал.

Протокол, которого он придерживался до сих пор, работал на него – работал прекрасно. Даже лучше, чем он рассчитывал. Все они думали, что это просто дедовщина. Всё прошло гладко, без сучка без задоринки. Более того – его поражало, насколько покорными они все были.

Он ждал от них большего сопротивления, борьбы. Но, похоже, они были слишком напуганы. Пережитая дедовщина научила их не противиться – они знали: станет только хуже.

Теперь же, когда за короткое время он без труда заполучил трёх жертв, он понимал: новичковое везение может закончиться. Люди не дураки, остальные начнут настораживаться – даже на такой огромной базе, даже при том, что начальство будет так же усердно подавлять любые слухи.

Но его это не остановит. Он был полон решимости утолять огонь, горящий внутри, – по одной жертве за раз.

Остановиться он уже не мог. Это было невозможно.

Слишком велико было упоение. Звук их дыхания, запах их страха – это действовало на него, как наркотик. Ему нужно было ещё. И он точно знал, кого выбрать следующей целью.

Сейчас он готовился. Тщательно продумывал, как именно всё сделает. Ему нужна была стратегия – как справляться с сопротивлением. Оно будет, в этом он не сомневался. Другие люди в комнате могли стать проблемой, но и с этим он сумеет разобраться. У него были идеи.

Он усмехнулся про себя. Быть умным – это имело свои преимущества. Он мог всё просчитать заранее, увидеть беду ещё на подходе. И запасной план у него тоже был. Всегда. Если когда-нибудь придётся им воспользоваться, миссию придётся ускорить – но это лишь добавит остроты. Он не был жестоким человеком и пытки не одобрял. Пытки были не целью, хотя при одной мысли об этом у него вспотели ладони. Но это уже за гранью – по крайней мере пока. Целью была смерть, и его новая жизненная миссия состояла в том, чтобы раздавать её тем, кто этого заслуживает.

А пока он прятался, медленно продвигаясь по базе – от одного укрытия к другому. Он шёл зигзагом, по маршруту, которым уже пользовался, и тайники всегда располагались достаточно близко, чтобы он успел нырнуть в следующий, если вдруг кто-то появится. Так и надо. Ему не положено было находиться там, где он был, и если его узнают – это уничтожит его планы.

Если смотреть со стороны, с совершенно нейтральной

точки зрения, он признавал: эта база наводила на него жуть. Здесь воняло потом, усилием и страхом. Теперь он мог это признать – сейчас, когда он был не тем, кем его хотели видеть другие, а самим собой.

Но именно поэтому всё подходило ему ещё больше. Страх ощущался почти физически и питал его. А теперь, когда план был готов, он знал: он готов к следующей жертве.

Инструменты у него были наготове – мешок и верёвки, – и шаги его были мягкими и бесшумными, пока он пробирался по узким коридорам. Это было самое рискованное время. Но, разумеется, так и должно быть, чтобы получить наибольшую награду.

В этот час база ещё жила – поэтому он держался как можно ниже, чтобы не нарваться на неприятности. Всё решало положение. Он знал ритмы базы. Знал, когда активность стихает и остаётся лишь одинокое шарканье ночных караульных. В это время воздух пропитывался усталостью. Сон наконец позволяли измученным телам, слишком долго проводившим в упражнениях, стрельбе, физической нагрузке, в зверских тренировках на выносливость.

Для него это была идеальная обстановка. Он ухмыльнулся, представив эти уставшие, сонные тела – как медленно они будут реагировать на него. Он знал по редким взглядам в зеркало: это хищное выражение лица.

Пальцы снова сжались вокруг мешка. Его оружия сокрытия.

Для него оно значило очень многое, и только он один знал почему.

Усмехнувшись ещё шире, он устроился ждать ночи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.